

Мы еще успели пороху понюхать...

В семнадцатом номере «Земли чайнской» мы обещали опубликовать рассказ ветерана-юбиляра Николая Сафоновича Нехорошкова. Вот что он рассказал о своей жизни.

«Родился я в Шипуновском районе, селе Усть-Порозиха Алтайского края. В Чайный район меня в пеленках привезли, когда семью сюда сошли. Поэтому свою малую Родину я нашел после, когда отца разыскивал.

Место для жительства нам определили рядом с тем местом, где сейчас Горловка. А тогда был просто лес. «Живите», – говорят. И мы жили. Родители построили землянку, в ней и ютились. Сам я мало чего помню о тех временах. Но со слов брата (он был на два года старше) знаю: мать надорвалаась при корчевке, а потом умерла в больнице Бундиюра.

Отец тогда сказал: «Все равно тут жить не буду. Убегу». Привел нас к Тойинскому детдому и посадил на крыльце. А сам ушел.

Трижды мы с братом оттуда убегали. У семьи Рындиных, тоже сосланных, детишки нашего возраста были, к ним и ходили. В Горловку. И ведь не думали тогда, что заблудиться можем или стинуть где. Совсем сололяки еще были. Директор детдома звонил комендантам, нас забирали обратно. Последний раз вели – руки за спиной ремешками связали.

Я отца начал искать, когда еще в армии служил. Оказалось, его после побега поймали, судили, срок дали – 2 года. Сидел он в Комсомольске-на-Амуре. На мой запрос пришло письмо: «Сафон Матвеевич, такого-то года рождения, освобожден. Отбыл на место жительства в Хабаровский край». Написал уже туда. Но куда он уехал дальше, мне не сказали. Мы с братом побывали и у отцовской родни в Новоалтайске и у материны – в Алейске. Единственное, что добыли – это фотокарточку отца. Он стоял с какой-то женщиной в обнимку.

После детдома брата отправили учиться в столярку, на Рязань. Меня – в Каргасок, в ремесленное училище, постигать профессию судомоториста. После выпуска направили меня в Александрово, на рыболовецкий. Пару сезонов я еще успел отработать, а весной 44-го отправили в армию с первым пароходом. Его название до сих пор помню: «Карл Маркс». Наше поколение, те, кто родился в 26-м, самые последние, кто еще понюхал пороха.

Сначала в Ачинск привезли, потом в Бийск. Форму выдали новую, с иголочки. Учили все чему-то. В конце концов, я оказался в Подмосковье. Везли нас, вроде, на фронт в маршевую роту. Тут, на станции Тейково, эшелон стопорял. Заходят офицеры с кокардами. Кто такие? Да бог знает. Оказалось – десантники. Вот с этого момента началась настоящая служба.

Выгрузили нас, а вместо камаз – землянки. Расположились. И началась муштровка. Готовили-то к выброске в тыл врага, поэтому подготовка была соответствующая. В десантники попал – хорошо, но гоняли нас... Господи, помилуй. Некоторым на фронте так не доставалось, как нам при обучении. А что ели... Вилок, капусты и булка хлеба на отделение – вот и вся кормежка. И не смей жаловаться: война идет.

■ Ехали из города Томска после демобилизации. 1951-й год.

Парашюты у нас были пергаментные, ПД-41. Офицерам выдавали такие же, но шелковые. По крепости – одинаковые, но пергаментный если надолго оставить в свернутом состоянии, то слежаться может. Вот мы эти парашюты складывали, с вышки прыгали. А потом начались полеты на «гвардейской колбасе». Так мы аэростат называли. Поднимется эта штука метров на 400, и хочешь – не хочешь, а прыгнешь. В корзинке сидят пятеро: четыре солдата и «вышибала». Который, в случае чего, вытолкнет, и все равно полетишь. И вот что я скажу: с самолета и то легче прыгать. А из корзинки смотришь вниз – земля аж кругом идет.

Кстати о самолетах. Мы прыгали с «Дугласа». Туда как раз взвод входил. Первым садился командир, дальше – по старшинству. И вот был у нас осетин. Здоровый, как бык, но прыгать боялся до жути. Кое-как его уговорили, в самолет посадили, третиим, а кто-то взмыли, да и ляпни, мол, разбъемся. Так, когда очередь прыгать до осетина дошла, он уперся руками в проход и встал намертво. Вышибала хоть и тоже был шкаф немаленький, а ведь, едришь твою, тоже ничего сделать не может. Но кое-как отпихнули в сторону, высыпали из люка, летим. Только вот задержались сильно. Парашют-то открыл, да вижу: высоковольтка впереди. Делаю скольжение и падаю в грядки к бабке. Друг мой в чью-то трубу влетел, порушил. А командир взвода вообще сломал ногу. Надо было приземляться на полусогнутые ноги, на всю ступню, а он сплоховал.

Вот, значит, приземлился я на грядку. А кормили-то – помните? – плохо. Смотрю: морковка! Давай в карманы набивай. Тут парнишка подходит, говорит: «Дядя, дай резиночку!» Нам их по 6 штук выдавали, крепить к запасному парашюту. Хорошая резина, крепкая, тянула. Мы малышкам частенько раздавали. Я так последнюю и отдал.

Зимой, бывало, за 60 километров гоняли. И как-то раз у меня ботинок разорвался. Ну, куда меня с голой ногой? Обмозгозиться только. А в поле новый негде взять. Вот, пока транспорт не подошел, жил у какой-то хозяйствки на станции. Залез на русскую печку и двое суток проспал. Старшина рассказывал, что девчонки в ту избу приходили.

дили, гармонист. Все шутят про баб. Да какие тут, нахрен, бабы?! Выспался – уже хорошо.

Кроме прыжков, нас учили управляться с полковой 75-миллиметровой пушкой. Комбриг на кукурузнике над полем летает, через рупор вводные раздает: танки слева, танки справа, воздух!.. А кто нам, в тылу, пушку таскать будет? Только сам расчет. Благодаря тому, что сам я ростика небольшого, весил немного, меня сажали на ствол, чтоб станица чуть приподнялась, хватались за нее и уже катали, куда надо.

В бой я попал, когда наши очистили территорию страны от немцев. Все было готово для десанта в тыл врага. И оружие, и техника. Но Сталин тогда десантом рисковать не стал, расформировал наши подразделения. А история-то какая была: при битве за Днепр ребят, таких же как мы, хотели забросить в тыл противнику. Да ночь была, самолеты ушли не в тот квадрат и выбросили войска прямиком в реку. Наш тогдашний начальник ФДС был там, кое-как выкарабкался и после эту историю рассказывал.

И вот, уже в должности пулеметчика, сначала я попал в Венгрию, а оттуда – дальше и дальше, на Вену. В Австрии, выше городка Винер-Нойштадт, освободили мы женский концлагерь. Форсировали реку Раву. И как-то стояли на отдыхе у вора дома. Это что-то вроде помечника по-нашему. И старшина подходит ко мне и говорит, мол, надо доставить боеприпасы и пожрать чего. На конях, мол, по-везем припас. А я, хоть и деревенский, но на лошади не ездил ни разу. Хорошо, кобыла досталась спокойная, умная. За спиной – термос. Внутри – чистое мясо. У старшины – ящик боеприпасов. Едем. Но вот впереди река. Моя-то лошадь спокойно в воду зашла, а вот конь старшины застращался. Я предлагаю: «Нате мою, я пешком пойду». И пошел вброд. Поначалу иду, ничего, справляюсь. Потом вода по грудь поднялась. Так кабы не тот термос, что меня к земле давил, так смыло бы меня. А так – выбрался и подрал к своим.

Только вернулись – обстрел начался. Сначала трассирующие пули стоя подпалили, а потом артиллерия бить начала. Корректировщик немецкий где-то засел. Один из снарядов попал

прямо в машину с ранеными. Головы, руки летели, кровь повсюду. Когда начали минометы долбить, мне осколками зубы посередине выбило. Наши из дома выссыпали, да в картошку рванули, чтобы не видно было. А корректировщика потом ребята из разведки нашли. Он, собака, сидел на дереве неподалеку от нас. А мы в свете огня для него как на ладони были.

А война в 45-м только на бумаге закончилась. Много еще диверсию было после 9-го мая. Поэтому какое-то время наши войска стояли на Раксе. А с другой стороны – американцы. Потом их англичане сменили. И вот что я скажу: у американцев армия была вольнонаемная. Никакого порядку не было. Попробуй-ка у нас не поприветствуешь офицера! А у них – лежит себе караульный у шлагбаума, веревочку к ноге привязал. Надо кому из своих проехать – он за эту веревку тянет, шлагбаум поднимается. А караульный даже не встает...

Демобилизовался я в конце 51-го. Семь с лишним лет сапоги топтал. Армия надоели – черт его знает как. Вернулся, начал брата искать. Мне-то написали, что его тоже на фронт забрали, думал что все, один остался. А нет. Ему военком – Семен Михайлович Майков – «бронь» выбил, как хорошему мастеру-краснодеревщику. Не пострадал брат.

А я устроился на работу в ОРС. На мотолодке грузы развозил, пока мотор не сдох. Пересел на баркас: шестом упираясь в дно и толкаешь. Последний транспорт до Нюрсы не доехал. Во льду застыл. Груз, конечно, забрали, но меня отправили на лесозаготовку, дрова пилить. Я хотел уволиться – не отпускают. Пришлось идти к прокурору, рассказывать, что не по специальности работали. Он позвонил, и сразу проблема решилась. Отпустили.

В конце концов, устроился в киностудию. Сначала мотористом на год. Потом окончил курсы киномехаников. И 45 лет, до самой пенсии, по всему району фильмы показывал. Доехали даже до Центральной (на Нюрсе). Утром рано выезжал – Иванкин нас возил на лошади – на лесочасток, к самой границе района, как раз к концу дня добираемся. Тогда же только в Гривах стационарный кинозал работал. Вот и ездили. На Копане так вообще на лодках добирались. Большой был район. Одних Тиг было 4 или 5.

Сейчас дома сижу, радио слушаю, телевизор смотрю. Очень люблю фотографировать. Есть фотокарточки с ветеранами из третьего Украинского. Вот из Томского музея, куда на 23-е февраля ездил. Вот забавное: мужика с горячкой в больницу привезли, так его потом к кровати простынями привязали. А вот мы в профилактории концерт делали. Есть еще, но краска в принтере кончилась, потом распечатала. А сейчас поздравлю читателей газеты с наступающим праздником. С Днем Победы!»

Подготовил
Василий ЛЕПЕХИН.